

Лавренова О.А.

**СЕМИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА¹**

*Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Россия, Москва, olgalavr@mail.ru*

Аннотация. Семиотическая концепция культурного ландшафта имеет несколько теоретических оснований в разных областях науки – семиотическая концепция культуры, концепции ноосферы, семисферы и ноосферная концепция культурного ландшафта. Культурный ландшафт представляется как система матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах, непосредственно связанных с территорией и / или имеющих на территории свое материальное выражение.

Ключевые слова: семиотическая концепция; культурный ландшафт.

Поступила: 03.09.2018

Принята к печати: 17.09.2018

Lavrenova O.A.

Semiotic concept of cultural landscape

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow, olgalavr@mail.ru*

Abstract. The semiotic concept of the cultural landscape has several theoretical bases in different fields of knowledge – the semiotic concept of culture, the concepts of the noosphere and the semiosphere, as well as the noospheric concept of the cultural landscape. The cultural landscape is represented as a system of matrices and codes of culture, expressed in signs and symbols which are directly connected with the territory and / or have their material expression on the territory.

Keywords: semiotical concept; cultural landscape.

Received: 03.09.2018

Accepted: 17.09.2018

¹ © О.А. Лавренова, 2019

Взаимодействие культуры и вмещающего природного ландшафта, формирование культурного ландшафта – процесс, который последние десятилетия изучают с разных точек зрения географы, культурологи, философы. Концепций культурного ландшафта существует великое множество, в зависимости от того, в рамках какого дискурса рассматривается это явление.

Семиотическая концепция культурного ландшафта впервые была оформлена несколько лет назад [Лавренова, 2010] и имеет несколько теоретических оснований в разных областях науки. Ее четыре теоретических «столпа» – семиотическая концепция культуры, концепции ноосферы, семиосферы и ноосферная концепция культурного ландшафта.

1. **Семиотическая концепция культуры** рассматривает культуру как организованную систему знаков, что подразумевает их устойчивую взаимосвязь. Эта система представляет собой основу ментальности любой общности – от деревенской общины до нации. Знак позволяет соединять идеальное с реальным, нумен с феноменом, мысль с материальным миром, выступает как посредник между мирами. Овладевая символами, преодолевая их, меняя их, человек получает возможность и свободу творить. Построенные на их основе культурные коды – это те пазлы, из которых складывается символическая, идеациональная и реальная картина мира, ибо каждый символ укоренен в ощущаемой реальности и имеет в ней свое воплощение.

Находясь внутри этой системы, человек легко считывает и воспроизводит коды. Как только он выходит за пределы системы, ему требуется переводчик, либо для того, чтобы объяснить свои собственные коды и символы человеку, их не понимающему, либо для того, чтобы понять чужую культуру.

Это очень разветвленная теория, из всего теоретического и методологического арсенала которой для осмысления культурного ландшафта важны следующие положения.

– Бытие культуры есть постоянный процесс семиозиса, не прекращающееся **порождение смыслов**, которые трансформируются в символы-знаки и культурные коды.

– Внутри культуры и на ее границах непрерывно происходят **коммуникационные процессы** между разными семиотическими системами, которые приводят к порождению новых смыслов.

– **Процесс семиозиса цикличен**, его результаты сразу же подвергаются считыванию, интерпретации и снова возвращаются в «плавильный котел» смыслообразования.

Вышеозначенный дискурс создает определенные рамки, ориентиры и отправные точки для семиотической концепции культурного ландшафта. А именно – взаимодействие культуры и пространства рассматривается как процесс семиозиса и превращения географической среды в знаковую систему.

2. Ноосфера – в этой теории для семиотической концепции культурного ландшафта наиболее важна идея о том, что мысль человека оказывает воздействие на географическое пространство. Современность вносит свои коррективы в эту теорию. В.И. Вернадский рассматривал ноосферу как позитивное явление, современные ученые констатируют, что разрушительное воздействие человека на среду уже существенно превысило позитивное, и опять же – в основе этого процесса лежит мысль или мировоззрение, обусловившее потребительское и недальновидное отношение к нашей планете. Применительно к ландшафту это означает, что человеческая мысль либо опосредованно, например через систему хозяйствования, преобразует среду, либо создает систему представлений, которая становится частью ландшафта. И вектор этих воздействий может быть как конструктивным, так и разрушительным.

3. Семиосфера – этот термин был введен в научный оборот Ю.М. Лотманом по аналогии с «ноосферой» и «биосферой» и под влиянием этих концепций. Семиосфера изначально не подразумевала в себе пространственных характеристик и понималась как распространение системы кодов одной доминирующей культуры. Как космос состоит из множества вселенных, так и мировая культура состоит из множества семиосфер.

Если включить в этот процесс географическое пространство, то становится очевидно, что система разработанных культурой кодов пронизывает и его. Элементы ландшафта, как и любая другая часть материального мира, служат для культуры «провокатором» семиотических процессов. Горы, поля, овраги и т.п., помимо обозначенной выше функции, также играют роль материального воплощения – «тела» – символов и знаков.

4. Ноосферная и информационная парадигма культурного ландшафта развивалась в основном в рамках научной школы Ю.А. Веденина [Веденин, 2004]. По его определению, культурный

ландшафт представляет собой «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [Веденин, Кулешова, 2004, с. 13–16]. В него включаются духовная культура, современная (традиционная и инновационная) и культурное наследие – топонимы, артефакты и рукотворные формы ландшафта, являющиеся маркерами исторических событий, архивные и библиографические источники [Веденин, 1988; Веденин, 1990; Веденин, 2004; Веденин, Кулешова, 2004]. В культурном ландшафте накапливается потенциал интеллектуально-духовной энергии, в том числе информация о нем. Информационное поле или информационный резонанс места может распространяться далеко за его пределы, создавая его образы, как невербальные, так и вербальные, запечатленные в текстах, видео, фото.

Поскольку бытие культуры в пространстве представляет собой непрерывный процесс семиозиса, можно утверждать, что информационные процессы в культурном ландшафте имеют семиотическую природу.

Собственно **семиотическая концепция культурного ландшафта** акцентируется прежде всего на процессе и результатах семиотизации географической среды. Культурный ландшафт представляется как система матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах (запечатленных в том числе в художественных образах), непосредственно связанных с территорией и / или имеющих на территории свое материальное выражение.

Структура культурного ландшафта определяется тремя основными составляющими: 1) его физико-географическими константами, 2) аксиологической и семиотической структурой культуры – ее системой ценностей, 3) парадигматикой и неравномерностью семиотических процессов. В культурном ландшафте присутствуют универсальные для каждой культуры три языка или три формы опосредования: знаковая – метафорическая – символическая [Волкова, Орлова А., Орлова Н., 2010]. Так, в географическом пространстве формируются узлы (центры) и периферии смысла, его внутренние (культурные разломы) и внешние границы.

Форма знаков в данной системе – географические объекты и топонимы. Коммуникации локусов-знаков представляют собой постоянное поле «культурного взрыва», в котором порождаются новые значения.

В семиотической концепции культурного ландшафта делается важное теоретическое допущение о **субстанциональности культурного и семиотического пространства**. Каждый смысл, связанный с географическим пространством, несмотря на свою кажущуюся бестелесность, имеет свою локализацию на поверхности Земли – через топоним, через природный или антропогенный ландшафт и его элементы, урочища и фации. Соответственно, вся информация локализуется и материализуется в знаках-топонимах, знаках-ландшафтах. Происходит объективизация смыслов. Локализованность значений в географическом пространстве «вынуждает» их быть взаимосвязанными, выстраиваться в систему, подчиняясь и законам существования географического пространства, и законам семиотики.

Эта система смыслов в пространстве, с одной стороны, имеет плоскостное простираие – от места к месту, где одни объекты обладают большей палитрой смыслов, другие – меньшей. С другой стороны, в ней весьма существенна «вертикальная» составляющая – культурный ландшафт обычно схематически изображают в виде расположенных друг над другом условно выделяемых слоев. Наверху – наиболее трудноуловимая в объективной реальности трансценденция, ниже – ценности, идеи и идеологии, определяющие бытие ландшафта; потом – образы, в том числе визуальные, связанные с данным ландшафтом. Ближе всего к «земле», но все еще в сфере культуры – топонимы, которые тоже рождаются и используются как знаки и подвержены тем же изменениям, что и язык. И собственно базис, фундамент этой схемы – сами географические объекты. Причем пространственные концепты культуры разной степени абстракции и метафоричности возникают из опыта реального взаимодействия с вмещающим ландшафтом, т.е. природный ландшафт в значительной степени формирует многие особенности «вышележащих» слоев культурного ландшафта. Универсальные категории культуры, такие как сакральность, ощущение времени и другие, имеют свое воплощение в культурном ландшафте опять же через символические структуры, которые могут

выражаться как в рукотворных артефактах и памятниках, так и в топонимах и природных урочищах.

Если взять за основу классификацию Ч. Пирса, то все ее элементы – иконические (подобие), индексальные (смежность) и условные – или символы (конвенциональность), знаки в полной мере присутствуют в ландшафте. Согласно более поздним концепциям, в символах довольно значительна доля иконичности и в ландшафтах, которые изначально воспринимаются человеком визуально, преобладают знаки с визуальными коннотациями. Например, универсальный символ для многих культур – мировая гора – имеет в большинстве случаев связь с конкретными горными вершинами.

С точки зрения когнитивистики элементы ландшафта могут выступать в роли метафорических моделей и в роли цели метафорической проекции, определяют основу дискурсивных практик в пространстве носителей культуры, определяют и пространственные концепты языка.

Культурный ландшафт представляет собой множество метафор, символов, знаков, находящихся в коммуникативных отношениях, и может быть интерпретирован и прочитан как текст в его широком культурологическом значении, обладающий сакральной, темпоральной, исторической семантикой и содержащий те или иные сообщения – «послания» культуры самой себе.

Семиотическая концепция связана с теорией ландшафта как текста, который доступен прочтению. Обычный текст имеет линейное прочтение – от начала до конца, хотя современное клиповое сознание позволяет включаться в текст с любого момента. Ландшафт как текст имеет нелинейную экспозицию, его можно читать в разных направлениях: от узловой точки к любой другой, и в зависимости от этого направления исследователь будет получать разные сообщения, разную картину.

Стратегии прочтения могут быть различными – визуальное считывание информации с помощью семиотических кодов культуры (локальные ландшафты), изучение художественных текстов, связанных с определенным местом или регионом и представляющих собой локальный текст культуры (локальные, региональные, макрорегиональные ландшафты), путешествие (ландшафты всех территориально-иерархических уровней), которое тоже представ-

ляет собой явление культуры и способно продуцировать новые значения мест.

Визуальное считывание является неотъемлемой частью быденной жизни человека. Сознание современного человека приучено к информации, причем преимущественно в виде прямых текстовых сообщений и картинок, размещенной в пространстве – даже в пустынях и беднейших деревнях Африки и Латинской Америки глаз натывается на предвыборные лозунги, рекламу и т.п. Поэтому относительно освоенный человеком, но информационно пустой ландшафт рассматривается как вызов, как черная дыра.

Процесс считывания и конструирования смыслов идет и в ту и в другую сторону, причем сложно сказать, что первично. Природный ландшафт, еще не попавший в сферу преобразовательной деятельности человека, сам по себе способен оказывать эмоциональное воздействие и вызывать либо чувство страха (топофобия), либо чувство приязни (топофилия). И на основе этих чувств происходит первичное осмысление ландшафта, он становится символом либо высших трансцендентных категорий, либо инфернальных сил и явлений.

Сейчас мы наблюдаем, как формируется новый информационный образ мира, очень подробный, но профанный, весьма далекий от сакральности, от категориальности, идеациональности. Этому способствует новая традиция – блогосфера и инстаграм – где путешествия задокументированы с подробными рекомендациями для всех последующих путников, с красочными картинками, с описательными текстами – иногда талантливыми, иногда не очень, и реже – с аналитическими текстами о ландшафтах. Когда речь идет о местах, богатых исторической памятью, наследие, сохраненное в ландшафте, тоже подробно документируется, опять же с рекомендациями к посещению – местоположение, цены на билеты и т.п.

Современная традиция такого профанного и практического документирования не может перечеркнуть тот факт, что культурное наследие, историческая составляющая ландшафта являются важной частью семиотической системы. Сегодня мы наблюдаем, как постоянно переписывается история. И как только она переписывается начисто – идет война за культурный ландшафт, за его смысловые доминанты. Уничтожаются прежние символы, насаждаются новые – и физически, и информационно. Старые значения

иногда зачищаются полностью, особенно когда идет война на религиозной почве, как было, например, во время войны после распада Югославии, когда полностью разрушались древние культурные объекты с целью создания на их месте новой аутентичности. В этом аспекте в семиотической концепции культурного ландшафта проблема сохранения материального и нематериального наследия рассматривается как основа устойчивости данной знаковой системы. В случае утраты или намеренного разрушения объектов наследия происходит цивилизационное отсечение одной сложившейся системы от другой, наблюдается эффект потери смыслов, не только в ландшафте, но и в культуре в целом. Это провоцирует возникновение новых смыслов и разработку их знаковых форм.

Иногда объекты наследия остаются невредимыми, но меняется их информационное наполнение или отношение к ним. Например, в Болгарии многие советские памятники расписываются местными граффити-художниками и советские солдаты превращаются в супергероев. Исключением остается памятник советскому солдату-освободителю в Пловдиве («Алеша»), который оказался созвучен болгарской национальной идентичности.

В исторической перспективе можно наблюдать варианты цикличности, мерцания узловых смыслов культурного ландшафта. Это зависит от того, насколько удалось затереть память культуры, насколько древние смыслы просвечивают через новые тексты культуры как палимпсест, насколько резким был цивилизационный разлом и сдвиг. Благодаря открытиям археологии достоянием современной культуры стали важные смысловые узлы древних цивилизаций. Это памятники, которые были не разрушены, а погребены, как Помпеи и египетские гробницы, или затеряны в труднодоступных местах, как Мачу-Пикчу. Со временем эти памятники обнаруживаются, музеефицируются, и что важно – актуализируются заново в семиосфере, обретают новый смысл и становятся локусами притяжения в культурном ландшафте. Расшифровка и актуализация их значений происходит благодаря сохранившимся текстам и артефактам. Если памятник не уничтожен, то он подобен бомбе замедленного действия, которая взрывается в пространстве заложенными в него смыслами, а они, в свою очередь, становятся достоянием мировой культуры. Поэтому современные варвары и стараются их физически уничтожить. Так были разрушены скульптуры

в Бамиане, Пальмире и много других объектов, важных для исторической памяти человечества.

Но и в случае полного физического уничтожения, знаковый объект в ландшафте исчезает не сразу, за ним еще долго тянется информационный шлейф. Памятники и их смыслы переходят из реального пространства в латентное, в информационный слой культурного ландшафта – остаются в памяти изгнанных народов или их потомков, легендах, книгах.

Интересны современные проекты ревитализации разрушенных памятников культурного наследия с помощью информационных технологий – тем самым подчеркивается их «инаковость», их принадлежность к информационному и семиотическому пространству более, чем к физическому. Например, в Иране пытаются восстановить образ памятника истории и архитектуры – исторической бани Хосров Ага хана в городе Исфахане – разрушенного ради строительства новой улицы. Разработан проект мемориала на месте фундамента бани. Предполагается создать фонтан – водяную завесу, на которой будет проецироваться вид этого памятника, и вывести на поверхность схему фундамента – выложить ее на современном покрытии улицы декоративной плиткой или другим материалом. В Киеве подобный прием применен на месте археологических открытий знаковых сооружений древнего города – схема фундамента обозначена мраморными плитами.

* * *

Семиотическая концепция культурного ландшафта – это естественное следствие научных трендов и тенденций современной науки, теоретическая и методологическая база для осмысления сложных процессов взаимодействия культуры и географического пространства. С помощью этой концепции актуализируется процесс и результаты семиотизации географической среды. Система матриц и кодов культуры, связанных с территорией, субстанциализируется именно с помощью территориальных объектов, таким образом формируется некое духовно-информационно-знаково-территориальное единство.

Список литературы

1. *Веденин Ю.А.* Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 68–81.
2. *Веденин Ю.А.* Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Сер. геогр. – М., 1988. – № 1. – С. 7–14.
3. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 224 с.
4. *Веденин Ю.А.* Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. геогр. – М., 1990. – № 1. – С. 3–17.
5. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 13–16.
6. *Веденин Ю.А., Кулешова М.С.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Сер. геогр. – М., 2001. – № 1. – С. 13–16.
7. *Волкова Д.Э., Орлов А.Б., Орлова Н.А.* Знак, метафора, символ – методология субъектности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – М., 2010. – Т. 7, № 3. – С. 89–119.
8. *Лавренова О.А.* Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. – М.: Институт Наследия, 2010. – 330 с.

References

1. *Vedenin Yu.A.* Informacionnaya paradigma kul'turnogo landshafta // Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt naslediya. – M.: Institut Naslediya; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. – S. 68–81.
2. *Vedenin Yu.A.* Iskusstvo kak odin iz faktorov formirovaniya kul'turnogo landshafta // Izvestiya AN SSSR. Ser. geogr. – M., 1988. –N 1. – S. 7–14.
3. *Vedenin Yu.A.* Ocherki po geografii iskusstva. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 1997. – 224 S.
4. *Vedenin Yu.A., Kuleshova M.S.* Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt kul'turnogo i prirodno naslediya // Izvestiya RAN. Ser. geogr. – M., 2001. – № 1. – S. 3–16.
5. *Vedenin Yu.A.* Problemy formirovaniya kul'turnogo landshafta i ego izucheniya // Izvestiya AN SSSR. Ser. geogr. – M., 1990. – № 1. – S. 3–17.
6. *Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E.* Kul'turnye landshafty kak kategoriya naslediya // Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt naslediya. – M.: Institut Naslediya; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. – S. 13–16.
7. *Volkova D.E., Orlov A.B., Orlova N.A.* Znak, metafora, simvol – metodologiya sub"ektnosti // Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. – M., 2010. – T. 7, N 3. – S. 89–119.
8. *Lavrenova O.A.* Prostranstva i smysly: semantika kul'turnogo landshafta. – M.: Institut Naslediya, 2010. – 330 s.